

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1.....	5
Глава 2.....	19
Глава 3.....	39
Глава 4.....	51
Глава 5.....	65
Глава 6.....	78
Глава 7.....	93
Глава 8.....	107
Глава 9.....	121
Глава 10.....	135
Глава 11.....	148
Глава 12.....	161
Глава 13.....	174
Глава 14.....	189
Глава 15.....	202
Глава 16.....	217
Глава 17.....	230
Глава 18.....	244
Глава 19.....	257
Глава 20.....	273
Глава 21.....	286
Глава 22.....	303
Глава 23.....	322
Глава 24.....	336

Глава 1

РИГА. «К. Ренгартенъ, совершающій пѣшкомъ путешествіе вокругъ свѣта, прислалъ въ „Rig. Tag.“ слѣдующую телеграмму изъ Иркутска: „Завтра истекаетъ второй годъ моего странствованія вокругъ свѣта. До сихъ поръ я прошелъ 10,802 вѣрсты. Я здоровъ и отправляюсь въ Пекинъ“».

ПАРИЖЪ. «Неслыханной силы ураганъ прошелъ надъ центральной частью Парижа. Убытки громажны. Деревья вырывались съ корнями, много раненыхъ».

- Имя, отчество? Фамилия?
- Евгений Александрович Баталов.

Рыбьи глаза жандарма Гусева равнодушно смотрели сквозь меня — складывалось впечатление, что подобных допросов у него было несколько тысяч, такой вот бесконечный, бесчеловечный конвейер.

Перед тем как прозвучат следующие анкетные вопросы, я решил, что во времена душителей сво-

боды могу и сам интересоваться, в чем дело. Та сторона стола монополию на это еще не получила.

— Можно вопрос?

— Задавайте.

Гусев разложил письменные приборы на столе, достал из портфеля несколько листов бумаги, подвинул ко мне пепельницу.

— Курите?

— Нет, не курю. Почему мной занимается целый штаб-офицер жандармов? Почему не полицейский дознаватель?

— Отвечаю. — Гусев достал пачку папирос, спички. Закурил. — Потому что на месте преступления найдена литература террористического толка. Некоторые книги... С дарственными надписями лиц, находящихся в розыске. Особо опасные преступники.

Я потер глаза, произнес свое заветное слово: «Чок». Время замедлилось, стало тягучим. Прямо сейчас я мог ударить Гусева в точку под ухом, и он бы отключился. Даже не увидел бы мой удар. Потом бы я спокойно прошествовал отсюда, положил бы охрану на выходе — и вперед, в пампасы. Сначала в Европу, потом и во все куда-нибудь в Австралию. Ни тебе мировых войн, ни испанки с тифом... Про революции с коллективизациями, репрессиями, расстрелами и вовсе можно забыть.

Два быстрых вдоха и выдоха, я опять произношу: «Чок». Время снова входит в свой обычный ритм, Гусев даже не успел закончить первую затяжку.

— Итак, господин Баталов, потрудитесь объяснить следствию, где вы были вчера в период с десяти вечера до часа ночи. И в чем причина вашего вчерашнего конфликта с доктором Винокуровым, когда вы изволили кричать на своего подчиненного. И даже устроили с ним драку.

Я с ним устроил? Нужно взять паузу. И все обдумать. Тут очень-очень тонкий лед, легко провалиться. Побег не выход — Лиза с ребенком, «Русский медик», скорые по всей стране... Нет, я теперь за все это отвечаю. Значит, нужно решать проблему административными методами.

Увы, никого из моих покровителей — ни Сергея Александровича, ни Зубатова из охраны — в Москве уже нет. Уехали на повышение в Питер. Прикрыть некому. Доказывать этим гусевым что-либо бессмысленно, только прицепятся к чему-нибудь и начнут крутить-вертеть. Палочную систему не в двадцатом веке придумали.

— Потрудитесь обращаться ко мне «ваше сиятельство».

Гусев поперхнулся табачным дымом, закашлялся.

— Вы что же... князь?

— Да, князь. Восстановлен в княжеском достоинстве именным указом от седьмого августа сего года.

Жандарм побледнел, начал быстро сворачиваться. Убрал папиросы в карман, разорвал протокол. Смел обрывки в корзину.

— Мне нужно навести справки. Вас проводят.

Я заулыбался. В кои-то веки оказался к стати мой княжеский статус. Ни тебе имений, ни денег с бриллиантовыми табакерками, а пригодилось все же. Допрашивать, а тем более судить такого — это не баран чихнул. Вон князь Феликс Юсупов целого царского фаворита Распутина укокошил. В составе группы лиц по предварительному сговору. И что же? Судили его? Посадили в тюрьму или, может быть, отправили на каторгу? Нет, всего лишь сослали на годик в личное имение. Правда, это все будет в шестнадцатом году, в момент краха монархии. Да и случится ли теперь этот крах? Бабочек за пару лет в прошлом я придавил немерено. Кстати, а с великим князем Дмитрием Павловичем, который с Юсуповым и Пуришкевичем старца укокошил, я хорошо знаком. Забавный мальчуган, только русского языка почти не знает.

— Чему вы улыбаетесь, ваше сиятельство? — Гусев остановился в дверях и повернулся ко мне.

— Солнышко из-за туч вышло. — Я кивнул в сторону окна. — Один мудрый китаец научил меня радоваться в жизни самым простым вещам.

Железная дверь с лязгом захлопнулась за моей спиной. Я остался один в полумраке камеры Таганской тюрьмы. Сырость и затхлость ударили в нос. Я медленно осмотрелся, пытаюсь привыкнуть к тусклому свету, проникающему сквозь зарешеченное окошко под потолком.

Каменные стены, покрытые плесенью и грязью, словно шептали о судьбах тысяч узников, прошедших через это место. Узкая деревянная койка у стены, тонкий матрас из соломы, колченогий стол и шаткий табурет — вот и вся обстановка. В углу — зловонная параша. Я поморщился от мысли, что придется ею пользоваться.

Опустившись на койку, тяжело вздохнул. Как же так вышло? Еще вчера я был уважаемым доктором, лечил людей, спасал жизни. А сегодня? Арестован по подозрению в убийстве Винокурова-старшего. Кто же его так порезал, что кишки вывалились? Тут явно что-то личное. Так убивают в ярости, не думая ни о чем.

Мысли путались. За стенами камеры слышались шаги надзирателей, крики заключенных. Да уж, такое звуковое сопровождение — самое оно для усиления чувства безысходности. Монотонность и безразличие — унылее этого сочетания придумать что-нибудь трудно.

Я встал и подошел к окну, приподнялся на цыпочки, чтобы выглянуть наружу. Солнце, как по заказу, скрылось за тучами — осталось серое московское небо. Циклон, однако.

Где-то там, за этими стенами, течет обычная жизнь. Люди спешат по своим делам, смеются, любят, мечтают. А я — здесь, в каменном мешке, отрезанный от мира. Узник замка Иф, туды его в качель. Придавят сейчас жандармы в желании поставить галочку — и готово. В Москве революционеров почти не осталось, разбежались как та-

раканы. А начальство результата требует. Где его взять, если остатки «Народной воли» по Цюрихам и Лондонам давно рассосались?

Мои размышления прервал лязг открывающейся кормушки в двери. Грубый голос надзирателя прохрипел: «Обед!» Я поднялся с койки и подошел к двери.

Через кормушку мне протянули жестяную миску с каким-то мутным варевом и кусок черного хлеба. Я взял это подобие еды и вернулся к столу. Запах от посуды заставил меня поморщиться — смесь прогорклого жира и подгнивших овощей. Сев на шаткий табурет, я стал разглядывать содержимое миски. В жиже серобуро-козьявчатого цвета плавали неопознанные комки.

Исключительно в исследовательских целях я попробовал это блюдо. В тайских макашницах и не такое иной раз предлагали, а начнешь есть — и ничего, вполне пристойно. Но чуда не случилось. Вкус оказался таким же отвратительным, как и запах. Пресная дрянь с привкусом прогорклого масла. Не напрасно каждый уважающий себя арестант таскает с собой соль и перец. Посолил погуще, перчику жахнул от всей души, чтобы до стадии «огнедышащий дракон» немного оставалось, — и что угодно съесть можно.

Я отставил миску прочь, попробовал хлеб. Он оказался одновременно черствым и кислым. Отломив кусочек, я макнул его в суп, надеясь хоть как-то улучшить его вкус. Тщетно. Питаться этим невозможно. Вероятно, если дня три су-

рово поголодать, и такое добро в ход пойдет, но извините, у меня еще о вчерашнем банкете память свежа.

Ну и сразу набежали воспоминания о ресторанах Москвы, Питера, Варшавы, Берлина. Вышколенные официанты, накрахмаленные скатерти, изысканные приборы, фарфоровые тарелки... Это я еще Вольфсгартен с его бесконечным винным погребом не вспоминал. Пожалуй, приберегу эти мемуары на обед.

Камера в таганской тюрьме ни разу не Лефортовский замок, но, как оказалось, и тут можно жить. Лязгнула кормушка, внутрь заглянул надзиратель. Или контролер? Цирик, короче. Пора осваивать феню. Возьму себе погоняло Хирург. Хотя нет, не стоит, у меня стойкая ассоциация с косноязычным байкером. Буду Князем. Стану козырным блатарем, заведу себе гитару и начну петь про Владимирский централ, ночи темные. А кто сказал, что легко будет?

— Вижу, что баланду вы есть не стали. Может, еду из ресторации закажете?

А так можно?

— Любезный, ты вот что сделай. Телефонируй на скорую, скажи, пусть Жиган привезет еды, белье — все, что надо, короче. Приедет — отблагодарит. Номер знаешь?

— Кто же его не знает... Ноль три. Не извольте беспокоиться, все сделаю.

Заказ еды из любого места в предварительном заключении вполне официально разрешен. Так и нижние чины свою копеечку зарабатывают, и сидельцы едят сытнее. Это если денег нет, то приходится местной едой пробавляться.

Хорошо, хоть пиджак оставили. Один хрен он в крови перепачкался, теперь только на благотворительность отдать, а пока под голову подложить можно.

Жиган примчался через час. Вместе с Чириковым. Их даже любезно проводили к кормушке и дали заглянуть внутрь камеры. Не знаю, предусмотрено ли такое правилами внутреннего распорядка, но это случилось. Всего-то пять рублей — и внеплановая свиданка обеспечена.

Притащили мне не только еду, но и нательного белья шелкового две смены, чтобы вшей не нахвататься, подушку с одеялом, чтобы не на казенном лежать, рубахи, свитер, домашние туфли, свежие медицинские журналы и еще что-то, таящееся в объемном бауле.

Федор Ильич интересовался распоряжениями. Они были одной направленности: сделать все, чтобы я побыстрее отсюда вышел. Найти адвокатов по политическим и уголовным делам, телеграфировать всем, кому только можно: великому князю, Зубатову, Романовскому, Склифосовскому, немецкому кайзеру, лысому черту, если понадобится. Но губить свое здоровье в застенках я не хочу — формулу лекарства против туберкулеза я все никак не мог вспомнить.

— Землю буду рыть, Евгений Александрович, — пообещал мне Жиган. — Всех хитровских подниму, разыщем мы Емельку.

— Какого Емельку?

— Брательника Александра Николаевича.

— А почему его нужно разыскивать?

— Дык... на него думаю. Утром встретил обоих у клиники, спросил еще старшего, что Емельян тут делает, Евгений Александрович же его прогнал от себя. А тот мне отвечает: с князем, мол, все утряс, тот разрешил заехать брату, по-видаться.

Я выругался матерно. Вот и убийца. Раскольников долбаный...

— Ничего я не разрешал! Наврал тебе Винокуров.

— Ах варнак!

— Думаете, младший зарезал брата? — тихо в кормушку поинтересовался Чириков.

— И думать не надо. Наверняка он. Жиган, а ты комнату доктора осматривал после того, как полиция меня забрала?

— А как же. Судя по стаканам, двое там пили. Водку. А закусывали они...

— Полиции сказал? — оборвал я хитрованца резко.

— Сказал.

— И что?

— Ответили: мол, следовательно пусть думает. Наше дело маленькое.

— Жиган! На тебя вся надежда. Найди Емелью!